

РЕЦЕНЗИИ

Наумова, А.В. Феномен культурного пограничья в творчестве Иво Андрича / А.В. Наумова ; под науч. ред. И.А. Чароты. – Минск : РИВШ, 2018. – 246 с.

Появление в Беларуси первого монографического исследования, посвященного творчеству Иво Андрича, – отрадный факт. Иво Андрич, несомненно, один из великих писателей XX в., о котором стоит знать и стоит говорить в курсах лекций по зарубежной литературе. К сожалению, в ее истории ему, как правило, уделяется незаслуженно мало места.

Проблема пограничья меня самого интересует давно в самых разных аспектах – начиная от проблемы раздробленности Германии, когда все 300 государств представляли собой сплошное «пограничье», включавшее в себя и Сербскую Лужицу, часть которой принадлежала Пруссии (с ее четким протестантизмом), а другая часть находилась в Саксонии, где сравнительно мирно сосуществовали католики, протестанты и пиетисты. Для Беларуси проблема пограничья – в истории и современности – одна из важнейших. В этом плане балканское пограничье заслуживает пристального внимания как аналогичная по многим признакам модель. Именно Иво Андрич в своем литературном творчестве наиболее полно и глубоко осуществил осмысление этой модели, преломленное через историю и настоящее, через фольклор и литературу, а также через мироощущение всех субъектов балканского пограничья.

Монография Анны Владимировны Наумовой «Феномен культурного пограничья в творчестве Иво Андрича» обладает большой степенью новизны. Прделанная исследовательская работа убедительно показывает своеобразие и уникальность феномена пограничья в творчестве Иво Андрича. Впервые в отечественном литературоведении разработана общая методология рассмотрения пограничных явлений в литературе. Она включает три обязательных элемента: анализ рецепции, убедительно отражающий специфику и комплексный характер рассматриваемой проблемы (глава 1); интерпретацию феномена пограничья как «вещи в себе», вне контекста, исходя из него самого (глава 2); и, наконец, выявление отношения, связи исследуемого феномена со средой в рамках сравнительно-исторического анализа (глава 3). Новыми являются предложенные А.В. Наумовой по отношению к творчеству Андрича терминологические определения – «странники культуры», коллективный психологизм, «модель мира пограничья». Стоит отметить, что именно с помощью этих понятий исследовательница смогла оригинально и убедительно объяснить своеобразие феномена пограничья, который, как она справедливо отмечает, «пронизывает» все уровни андричевского текста. А.В. Наумова изучила фольклорные и мифологические элементы исторической прозы Иво Андрича, представляющие собой архетипическую объективизацию памяти о прошлом в сознании жителей Боснии. Важно, что, исходя из цели своего исследования, она рассматривает их в динамике, во взаимодействии. Таким образом, на примере разночтений в восприятии прошлого представителями разных этнокультурных групп демонстрируется столкновение субъектов пограничья и раскрывается сущность феномена пограничья в творчестве Андрича.

Многие исследователи отмечали специфическое использование категории времени в прозе Иво Андрича, спорили о его линейности или цикличности. А.В. Наумова нашла свой, новаторский, путь в изучении хронотопа произведений Андрича в связи с воплощением феномена пограничья в его структуре. Она предлагает рассматривать структуру хронотопа его произведений как систему границ, воплощенных писателем с разной степенью конкретности и абстрактности. Это границы между историческими эпохами, цивилизационными комплексами, между частями города, берегами реки, идеологическими противниками, воюющими сторонами и т.д.

А.В. Наумова, очевидно, изучила огромное количество научных источников, посвященных творчеству И. Андрича, и выбрала те из них, которые непосредственно касаются феномена пограничья в его творчестве. Кроме того, этот раздел сам по себе имеет большую научную значимость, так как представляет собой не фактический материал и «летопись» андричеведческих исследований, а весьма удачную попытку анализа рецепции этнокультурной проблематики Иво Андрича в республиках бывшей Югославии, а также Беларуси, России и Украине. Уже здесь диссертантка приходит к интересным наблюдениям и выводам, связанным с расхождениями в рецепции исторической прозы Иво Андрича в России – с одной стороны, в Беларуси и Украине – с другой. Она дискутирует, полемизирует с точкой зрения андричеведов из восточнославянских стран, предлагает собственный взгляд на обсуждаемые проблемы.

Весьма вероятно, что Анна Владимировна в будущем продолжит исследования на смежные темы, что, несомненно, стоит поддержать, имея в виду значимость проблематики пограничья для литератур восточнославянских и балканских стран. Автор, обосновывая актуальность исследования и целесообразность отдельных исследовательских задач, всегда учитывает применимость используемой методологии не только для анализа творчества Иво Андрича, выбранного в качестве предмета исследования, но и для рассмотрения феноменов пограничья в литературе в целом.

Замечания по монографии я хочу сформулировать не столько как недостатки, сколько как пожелания для дальнейшего всестороннего исследования творчества этого большого писателя.

1. Проблема пограничья в творчестве И. Андрича, заявленная в названии книги, разработана, на мой взгляд, безукоризненно. Отработав в Институте славяноведения РАН более 20 лет и приняв участие в обсуждении многих коллективных трудов и монографий в разных отделах, я давно заинтересовался творчеством И. Андрича, но только после прочтения книги А.В. Наумовой по-настоящему понял проблему пограничья как действительно важнейшую общечеловеческую проблему, которая всю жизнь не отпускала

сербского писателя и заставляла его снова и снова к ней возвращаться. И все же раздел «Отражение национального своеобразия через фольклор и мифологию» [1, с. 81–86] хотелось бы увидеть в более развернутом виде, в том числе и потому, что национальное своеобразие немислимо без национального фольклора и мифологии, и они представлены на Балканах в избытке, в том числе и в творчестве И. Андрича.

2. Второе пожелание связано с первым и является в какой-то степени его конкретизацией. В том же разделе «Отражение национального своеобразия через фольклор и мифологию» неоднократно повторяется понятие «демифологизация» и приводятся яркие примеры, убедительно доказывающие, что демифологизация распространенных мифологических сюжетов и образов действительно занимала существенное место в мировоззрении и художественной палитре И. Андрича. Но всё же хотелось бы увидеть более подробное разъяснение того, каким образом этот писатель, прекрасно знавший и любивший с детства фольклор и мифологию сербов и боснийцев (и не только их), мог решиться на подобную демифологизацию, нередко граничившую с насмешкой и даже осмеянием. Сыграло ли здесь роль его обширное европейское образование, приверженность к усвоенному в Западной Европе просветительскому пренебрежению к средневековым языческим и религиозным предрассудкам? Или что-то другое, больше связанное с различной трактовкой одних и тех же сюжетов и мифов в различных этнических и религиозных группах?

3. «Пограничность в прозе Андрича представлена тремя типами конфликта: общенсторическим, социальным и ситуативно-сюжетным» – таков один из выводов монографии. Кажется, что он в чем-то неполон. Попробуем в этом разобраться.

В качестве эпиграфа для развития этой мысли почти идеально подходят строки С.А. Есенина, написанные в 1924 г.:

...С того и мучаюсь, что не пойму –
Куда несет нас рок событий.
Лицом к лицу
Лица не увидеть.
Большое видится на расстоянии... [2, с.122].

С.А. Есенин, находясь внутри непонятого и трагически воспринимаемого им социума, за два года до смерти начинает отчетливо осознавать, что он не сможет понять и принять этот социум «лицом к лицу», т.е. в «малом времени», поскольку сам социум находится в брожении, и судить о нем можно будет только в «большом времени», которое намного превышает продолжительность отдельно взятой человеческой жизни.

Тот факт, что А.В. Наумова так глубоко погрузилась в югославские источники, в разногласия многочисленных андричеведов по отдельным проблемам творчества писателя, что оказалась «лицом к лицу» с самими югославами (и не только с югославами) в «малом времени», а попытки вести дискуссии с отдельными точками зрения натываются на такие противоречия с самими текстами И. Андрича, что волевым вынуждают искать другие подходы и другие точки опоры. И прежде всего остается незамеченным то, что великий писатель вел гораздо более крупную игру со всей европейской культурой, хотя и использовал в этой литературной игре югославянский материал. Вряд ли стоит напоминать, в каких городах и в каких университетах И. Андрич учился, какими языками он владел, какую дипломатическую карьеру он сделал, в том числе будучи многие годы – вплоть до начала Второй мировой войны – в Берлине в качестве чрезвычайного представителя югославского правительства. Как правило, исследователи забывают о том, какую сложнейшую эволюцию пришлось пережить И. Андричу за 83 года своей жизни и как поразному воплощалась эта эволюция в его творчестве. Все эти факты сами по себе известны, но до сих пор недостаточно исследованы в своих литературных последствиях.

Остановимся более подробно на одном непросто, но зато весьма показательном примере – небольшой повести «Времена Аники». Интрига скрыта уже в самом названии, несомненно связанном с широко распространенным сюжетом об Анике-воине. Но как и чем связанном? Для этого нужно проследить историю этого сюжета и заглавного персонажа. Он широко известен и изучен, представлен в России (но не только в России) огромным количеством духовных, светских, фольклорных, лубочных и авторских текстов. В конце XV в. на русский язык был переведен немецкий нравоучительный диалог «Спор жизни со смертью». Характерный для средневековой христианской литературы сюжет в XV–XVI вв. стал обрастать многочисленными национальными вариантами. В немецкой литературе это и фастнахтшпиль (*Fastnachtspiel Nic. Mercatoris*), и даже популярная народная песня, по жанру близкая к древним язычески-мифологическим и обрядовым песням, вроде «Спора зимы и лета». Оригинал для первоначального русского перевода, по-видимому, послужил текст, напечатанный в Германии и перевезенный в Новгород любекским типографом Бартоломеем Готаном [3, с. 23–24, 26–32, 407–409; 4, с. 292–294].

Но литературное освоение внешне незамысловатого сюжета постепенно привело к его «беллетризации» в XVI в., к внесению в него своеобразного развлекательно-рыцарского элемента: некий богатырь, не знающий поражений, возомнил, что никого нет на свете, кто мог бы одолеть его. Тут-то и «приде к нему смерть, образ имея страшен, а обличие имея человеческо», узрев которую «храбрый той воин утратился велми» [5, с. 292–294]. Постепенно выяснилось, что сюжет об Анике-воине оказался необыкновенно живучим, он продолжал волновать народную фантазию еще и в XIX в., вовлекая в свою орбиту творческих людей из различных прослоек общества, включая и профессиональных поэтов (сошло лишь на Н.А. Некрасова, который в поэме «Кому на Руси жить хорошо» написал: «Эх вы, Аники-воины! / Со стариками, с бабами / Вам только воевать!»). Но и филологи-ученые тоже не отставали: во второй половине

XIX в. за обработку и осмысление сюжетного материала взялся А.Н. Веселовский, а наряду с ним и целая когорта серьезных ученых, посвящавших этой проблематике не только большие статьи, но и целые монографии. Трудно допустить, что Иво Андрич, интересовавшийся, образно говоря, всем на свете, об этом не знал. Его повесть «Времена Аника» и «Аника-воин» не просто перекликаются именами главных героев (у Андрича – героиня). Только стоит напомнить, что среди многочисленных сюжетов об Анике-воине есть и «свирепые» варианты, в которых Аника-воин выступает как страшный, безжалостный разбойник, не знавший поражений и уничтожавший всё на своем пути, – не щадивший ни стариков, ни детей, сокрушавший и сжигавший всё живое и оставлявший за собой только пепел, – до тех пор, пока он не встретился со Смертью или (по другой версии) не попытался поднять тягу земную – ту самую, которую не смог поднять даже сам Святогор при встрече с Микулой Селяниновичем, по этой версии Аника-воин не выдержал позора и скончался на месте. В этом контексте название «Времена Аника» приобретает поистине символический смысл.

Не стоит забывать, что Иво Андрич подолгу учился, жил и работал в разных государствах и разных городах Западной Европы. Во всех странах и городах, где ему приходилось учиться, жить и работать, его интересовало буквально всё: политика, экономика, особенности культуры, национальный менталитет, язык, литература и т.д. Возьмем, к примеру, Вену, столицу Австро-Венгрии, затем Австрии, где он учился в университете, позднее – работал. Можно ли себе представить, что Иво Андрич, постоянно бывая в Вене, где жил и работал основоположник психоанализа Зигмунд Фрейд, не интересовался его книгами и его учением? Это представить невозможно, тем более, что от самого Фрейда и его учеников (например, Ф. Виттельса, автора книги «Сексуальный голод», 1908) произошли одни из самых известных и захвативших надолго, вплоть до нашего времени, опознавательных символов культуры XX в. – эрос и танатос.

Но пора возвращаться к нашим Аникам. Во многих произведениях И. Андрича бросается в глаза необыкновенная жестокость героев, прорастающая на сексуальной почве и связанная с этой жестокостью ненависть к женщинам – словно бы это именно они, женщины, виноваты в том, что мужчины никак не могут насытить свой «сексуальный голод». Ладно, если бы это были только отдельные маньяки. Но как расценивать такую, например, сцену из новеллы «Мустафа мадьяр», где безумие охватывает уже целый отряд из 15 человек (повествование ведется от лица главного героя, командира отряда): «Мустафа ехал с конным отрядом. Преследуя противника, отряд решил заночевать в имении, брошенном хозяевами. Конники собирались уже ложиться спать, когда обнаружили спрятавшихся за шкафами четырех мальчиков. Это были беленькие, аккуратно подстриженные, хорошо одетые барские дети. В отряде было пятнадцать человек, почти все из Анатолии. Они набросились на мальчиков и всю ночь передавали их, полумертвых от ужаса и боли, от одного к другому. Когда рассвело, дети, опухшие, посиневшие, не в силах были стоять на ногах. В это время налетел сильный отряд русских, и турки бежали, не успев даже прирезать детей. И вот теперь он видит их перед собой, всех четверых. Слышит топот русской конницы. Хочет вскочить на коня, но путается в стремени, они выскальзывают, и конь рвется из рук» [6, с. 36–37]. Подобным образом дело обстоит и в рассказе «Путь Али Держелеза», где герой буквально изнывает от «сексуального голода», то есть готов гоняться за каждой мелькнувшей юбкой: «Затем Держелез невольно бросил взгляд на угловое окно. При виде этого окна, закрытого, бездушного и загадочного, как взгляд женщины или человеческого сердце, в душе его с новой силой поднялись утихшие было гнев и боль. В безумном желании убить или оскорбить кого-нибудь протянул он свою волосатую руку в сторону окна, потрясая кулаком и посылая проклятие: – Сука ты, сука! – Голос был глухим от злости» [6, с. 22]; «Держелез, глядя на нее, растроганно и беспомощно разводил руками. Его пленили молодость, красота и даже пестрые шаровары, что развевались как знамя, сливаясь с верхушками сосен и ясного неба. Тоска его будто искала выхода в безудержном веселье. Лишь на мгновение в душе вспыхнули боль и стыд: так скоро отречься от своей недавней тоски и гневного решения никогда не приближаться к женщине! Даже к кошке! Даже к кошке!..» [6, с. 25].

Подобные цитаты из разных рассказов и повестей можно приводить достаточно долго. Но повесть «Времена Аника» намного перекрывает все сюжеты, подобные вышеупомянутым. Здесь в безумие «сексуального голода», словно перед лицом смерти, впадают все без разбора: богатые и бедные, государственные чиновники и монахи, юноши и седые старцы. И всё во имя того, чтобы приблизиться к красавице, хотя бы дотронуться до нее или даже просто поговорить о ней с такими же бедолагами. Но всем дирижируют женщины (не только Аника, в повести упоминаются и другие женщины), они буквально натравливают героев друг на друга, и героини, словно в полусне, убивают своих соперников, но наводку (указание или даже приказ, высказанный мимоходом), дают именно женщины, особенно усердствует Аника, которая поначалу стремится испытать пределы своей власти над мужчинами. Пределов этих, кажется, и вовсе нет.

4. Не слишком ли подобные произведения напоминают карикатуру? Не гиперболу, не преувеличение, а именно карикатуру, пародию, очевидное желание что-то высмеять. Но как же тогда сербы, хорваты, боснийцы, турки, христиане, католики и исламисты все эти насмешки выдерживали и даже с удовольствием читали? Это отдельный вопрос, не будем на него отвлекаться. Но, с другой стороны, в истории литературы в разные века постоянно встречаются так называемые «роковые» женщины, от которых мужские персонажи не могут оторваться ни при каких обстоятельствах – от Елены Прекрасной до Манон Леско и Грушеньки Светловой. Подобных примеров можно легко набрать десятки, и это только подтверждает, что роковая женщины – не плод фантазии одного И. Андрича. Но проблему «сексуального голода» и «сексуальной революции» это никак не упраздняет. Скорее уж наоборот.

Как это ни прискорбно, но получается, что современное андричеведение всё еще не может закончить споры в «малом времени» и пока не хочет понять, что Иво Андрич в это «малое время» никак не укладывается, что он очень рано начал прозревать «большое время», и сегодня совершенно очевидно, что с «большим временем» он прекрасно справился. Моя важная гипотеза в данной рецензии состоит в том, что повесть И. Андрича «Времена Аники» представляет собой изящную пародию на погрязшую в неправых грехах западную цивилизацию, которая накануне ею же развязанных мировых войн и страшных катастроф XX в. не придумала ничего лучшего, как прикрыться фиговым листком «сексуального голода» – лучшего (то есть еще более примитивного) отвлекающего маневра эта цивилизация придумать не смогла. «Времена Аники» именно на это и намекают. Но намекают поначалу настолько «деликатно», в масштабах «большого времени», которое, как я уже отмечал выше, еще отнюдь не закончилось, и теперь уже не закончилось – вплоть до новой всемирной катастрофы. Если принять эту гипотезу, то всё укладывается в достаточно ясную систему, отчего недостатки современного андричеведения проступают еще отчетливее.

5. В юности Иво Андрич называл себя боснийским католиком (его отец был боснийским католиком и пытался привить соответствующее мировоззрение сыну). Позднее Андрич предпочитал называть себя сербом. Но ведь и сербы были разные, и о своем вероисповедании писатель распространяться не любил. В молодости Андрич принадлежал к революционной террористической организации молодых анархистов, за что и пострадал и сидел в тюрьме в 1914 г., так как один из членов этой террористической организации убил наследного австрийского принца, что явилось формальной причиной начала Первой мировой войны, хотя сама война назревала уже давно. Отразился ли этот факт на творчестве писателя и каким образом? Безусловно отразился, как отразилось и всё, что он видел в разных странах в сфере культуры. В произведениях Андрича, если попытаться расположить их хронологически, можно отчетливо увидеть, насколько внимательно он изучал европейские духовные и литературные движения и веяния. В его творчестве обнаруживается вся палитра литературных течений: грубый натурализм, импрессионизм, экспрессионизм, новая вещественность и, наконец, магический реализм. Все это он пережил, и все это нашло отражение в его творчестве, хотя порой и столь причудливых соединениях и сочетаниях, что все это может присутствовать в одном и том же произведении. Уже отсюда вытекает целый ряд исследовательских задач: Андрич и натурализм, Андрич и экспрессионизм, Андрич и магический реализм и так далее.

Мне, к сожалению, не попадались исследования, где творчество Андрича рассматривалось бы в подобном ракурсе. Как мне кажется, такие исследования могли внести некоторую ясность и в трактовку повести «Времена Аники», поскольку способствовали бы более глубокому пониманию поэтики этого произведения, в котором писатель совершает скачок из «малого времени» в «большое время». Ранние стихотворные сборники Андрича явно экспрессионистичны, а такие произведения как «Мост на Дрине» и «Проклятый двор» (и некоторые другие) свидетельствуют о внимательном изучении писателем произведений немецких (и не только немецких) магических реалистов [7].

Кроме того, вряд ли можно всерьёз писать об особенностях поэтики писателя, не вникая по-настоящему в его биографию и в периодизацию его творчества. Приемлемую периодизацию можно найти в предисловии Меши Селимовича к русскому изданию «Избранного» И. Андрича. М. Селимович выделяет в творчестве Андрича четыре периода, но в характеристике литературного содержания этих периодов постоянно сбивается, потому что исходит из политических, идеологических и других внелитературных критериев, то есть не переходит границы «малого времени» [6, с. 5–13].

Аспект, выбранный для рассмотрения А.В. Наумовой, чрезвычайно актуален. Сформулированные выше «еретические» тезисы относятся не только к рецензируемой монографии, но и к современному андричеведению в целом. А в заключение следует еще раз подтвердить общую высокую оценку книги А.В. Наумовой как целенаправленного научного исследования, которое, как и всякое подлинно научное исследование, закрывая определенную проблему, открывает простор для новых разысканий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Наумова, А.В. Феномен культурного пограничья в творчестве Иво Андрича / А.В. Наумова ; под науч. ред. И.А. Чароты. – Минск: РИВШ, 2018. – 246 с.
2. Есенин, С.А. Полное собр. соч. : в 7 т. / С.А. Есенин ; ИМЛИ РАН. – М. : Наука; Голос, 1995–2005. – Т. 2 : Стихотворения (Маленькие поэмы) / подгот. текста и коммент. С.И. Субботина. – 1997. – 464 с.
3. Deutsche Volkslieder = Немецкие народные песни. На немецком и русском языках / сост. А.А. Гугнина ; предисл. Б.И. Пуришева ; коммент. Т. Анищук. – М. : Радуга, 1983. – 480 с.
4. История русской литературы: в 10 т. – М., Л. : Изд-во АН СССР, 1945–1956. – Т. 2, ч. 1 : Литература 1220–1580 гг. – 1945. – 532 с.
5. Изборник : сб. произв. лит-ры Древней Руси / сост. Д.С. Лихачев, Л.А. Дмитриев. – М. : Худож. лит., 1969. – 800 с.
6. Андрич, И. Повести и рассказы / И. Андрич ; пер. с сербскохорватского, сост. Г. Попова. – М.: Радуга, 1983. – 496 с.
7. Гугнин, А.А. Магический реализм в контексте литературы и искусства XX века (Феномен и некоторые пути его осмысления) / А.А. Гугнин. – М. : Институт славяноведения РАН, 1998. – 120 с.

*д-р филол. наук, проф. А.А. ГУГНИН
(Полоцкий государственный университет)*